

# Ионычева тропа — эпизод 4 из 5

Дальше у нас пошел простой разговор.

— Добили, — говорю, — видно, тебя колчаковцы, что кинулся советскую власть искать?

— Нет, — отвечает, — меня не задели пока, а подбираться стали, да еще кто! Помнишь, перед самой-то войной наш завод какой-то компании перешел? Сперва думали, большая перемена будет, а вышло незаметно. Приехал только один новый. По-нашему говорил плохо, а все-таки понять можно. И прозвание у него чужестранное. Хитсом вроде. В синей рубахе ходил. Сам, поди, видел?

— Видать, — отвечаю, — не доводилось, а слышать слышал.

— Хитсом этот тогда многим нашим заводским против своего-то начальства поглянулся. Обходительный, видишь, не барничает и в техническом деле понятие имеет. Это я по своему делу заметил. У меня, видишь, пристроена была к станку одна штучка. Небольшое облегчение давала. Заводское начальство сколько раз мимо проходило, ни один не заметил, а этот углядел и давай допрашивать: «Откуда взял? Давно ли? Какая польза?» С той поры, как придет в механическую, непременно ко мне подбежит, поздоровается и спросит:

— Есть какой нови?

Да еще моду взял кликать меня по-своему: мистер Енч.

Молодые ребята из механической это подхватили и давай меня этак навеличивать. Пришлось с ними по-сурьезному поговорить:

— Что, дескать, такое? Коли чужестранный человек коверкает наше слово, так ему это в большую вину не поставишь, а вы куда за ним скачете? Какой я вам мистер, коли по токарному делу мастер и вам в дедушки гожусь? И прозвание у меня русское, понятное. Какое ваше право его поворачивать на отрыжку после кислого квасу?

Усовестил-таки, урезонил — перестали.

Так вот этот Хитсом теперь опять на заводе появился. Ну, одет по-другому, и с ним больше десятка других людей. Которые в военной форме, которые в вольной одежде. Ходят по заводу, досматривают. Где какой непорядок заметят, — доискиваются, кто отвечать должен, а вечером, глядишь,

колчаковские солдаты идут в те семьи и ответчиков уводят, а коли их дома не окажется, начинают семейных донимать. Тут и слепому ясно, кто у нас новый хозяин, кому колчаковцы служат. Надо, думаю, уходить к своим. Неважные, слышно, у них дела, а все-таки здесь оставаться негоже. Только это обдумал, а Хитсом и подкатил. Один приехал, без сподручных. Лебезит, будто знакомого нашел. Посидел с полчаса, поругал большевиков, что они завод разорили, похвалился, что скоро с ними покончат, и завод опять в порядок придет, а потом и закинул слово:

— Ви умейт летяши жук сделать?

«Вот, — думаю, — заглот какой! И про игрушку разнюхал, и ее подавай!» А сам отговариваюсь:

— Было это раз. Смастерил своему внуку забавку, да он давно ее потерял.

Поглядел на меня Хитсом волчьим глазом, потом спохватился, видно, давай опять ласково допытывать, кто, дескать, раз сделал, тому нехитро и другой раз это же сделать. Вынимает бумажник и достает деньги в задаток, а я, понятно, отказываюсь.

— Не в моем обычае деньги вперед брать... Мне неизвестно, выйдет ли, потому руки огрубели. Все-таки постараюсь, только не больно скоро.

Тут он давай рядиться о времени. Неделю я все-таки вырядил. А как выполз этот хитрый сом из моей избы, я в тот же день отправил старуху в Черемховку, будто гостить к Варваре, сам ворота на замок, ключ соседу отдал да по потемкам в город. Оттуда подъехал с товарным, пока не сняли, а дальше пешком пробирался. Не больно гладкая дорога оказалась, а все-таки добрался.

Весь этот разговор при людях шел. Некоторые спрашивать стали:

— Скажи, дедушка, о каком это наследстве говорил, когда тебя задержали?

А я прибавил:

— И про Абакан тоже.

— С него, — отвечает, — и начинать придется, потому с тех мест моя тропа пошла.